

Для стороннего наблюдателя Сивилла Трэлони была праправнучкой великой пророчицы Кассандры Трэлони, но этим их сходство и исчерпывалось. Сама она не имела к величию ни малейшего отношения. Если бы древний род Трэлони не угасал столь стремительно, ей, пожалуй, и вовсе не позволили бы носить эту фамилию. К тому же Сивилла казалась форменной сумасшедшей: усыпанная бесконечными рядами бус, звенящих цепочек, браслетов и колец, она даже на шаль нашила дешёвые металлические блёстки — словно панически боялась показаться недостаточно яркой. Тяжесть этого пёстрого великолепия едва ли не превышала её собственный вес.

Она была шарлатанкой — в этом сходились все, включая острую на язык профессора Макгонагалл. Пытаясь во что бы то ни стало подтвердить силу своей крови, Сивилла обожала предрекать ученикам скорую гибель на уроках, правда, ни одно её пророчество так и не сбылось. Одно время она громогласно утверждала, будто предвидела смерть Плаксы Миртл, но при малейшей проверке эта ложь рассыпалась в прах. Хотя точный час гибели Миртл оставался тайной, трагедия явно случилась задолго до того, как Сивилла переступила порог Хогвартса. Профессор Стебль, учившаяся в те же годы, не раз предупреждала хаффлпафцев держаться подальше от женского туалета на втором этаже, поскольку в школьные годы Миртл щедро окатила её водой из унитаза. Это неопровержимо доказывало: призрак обитал в замке задолго до появления Сивиллы. Трэлони была обыкновенной обманщицей.

Безусловно, все знали, что в те мрачные годы именно Сивилла изрекла то самое знаменитое пророчество, чья полная суть оставалась тайной для непосвящённых. Однако злые языки утверждали, будто под её личиной скрывался кто-то из великих предков, принявший Обратное зелье. Сложно было поверить, что ведьма со столь ничтожной, почти сквибской магией способна на подлинное откровение, сколько бы амулетов и усиливающих кулонов она на себя ни нацепила. Поговаривали, будто Дамблдор держит её в школе то ли из-за того, что его разум окончательно размяк от лимонных долек, то ли по тайному уговору с покойной Кассандрой: директор обязался оберегать последнюю из рода в обмен на пророчество, надеясь, что Сивилла со временем выйдет замуж и продолжит династию. Все эти домыслы походили на дешёвые сплетни, но обыватели всегда предпочитали грязные слухи скучной реальности.

Но досужие домыслы никогда не волновали Пана. Как непосредственный свидетель тех событий, он знал: истина крылась совсем в другом.

А правда заключалась в том, что в величайшей школе чародейства, под неусыпным взором величайшего светлого мага Альбуса Дамблдора, случайных и бесполезных людей попросту не бывало.

Дорога к Северной башне вела через бесконечные винтовые лестницы. И пусть волшебные ступени не пытались подловить Пана, а заколдованные доспехи не преграждали ему путь, долгий подъём из библиотеки на самый верх выжал из его хрупкого тела все силы. Оказавшись перед дверью, служившей Сивилле одновременно входом в кабинет и спальню, Пан в нерешительности замер.

— О, Пан, ты всё-таки пришёл! — первой подала голос картина на двери.

Собственной магии Сивиллы не хватало даже на то, чтобы заколдовать портрет-стражника. Её дверь, прямо как у завхоза Филча, запиралась на обычный магловский замок, который любой первокурсник мог вскрыть простейшим «Алохомора». И всё же на стене висел портрет её прародительницы, тоже госпожи Трэлони. В её обязанности входило следить за каждым, кто посягнёт на покой наследницы. Впрочем, сейчас почтенная леди больше всего мечтала, чтобы какой-нибудь благородный джентльмен проигнорировал её ворчание, ворвался внутрь и оставил после себя достойного преемника, дабы спасти угасающий род от забвения. Но праправнучка упорно не желала оправдывать её надежд. До сегодняшнего дня.

— Ты к Сивилле? — прародительница окинула Пана взглядом, в котором промелькнуло разочарование.

Она прекрасно знала, кто он такой, и понимала, что строить иллюзии глупо. Но старой женщине, истосковавшейся по продолжению рода, так хотелось помечтать... Жаль только, что нынешний возраст гостя не оставлял её грёзам ни единого шанса.

— Она у себя? — Пан мягко улыбнулся.

Он вдруг осознал, что его нерешительность — не что иное, как робость блудного сына перед возвращением под родной кров.

— Да, — кивнула дама с портрета, и лицо её мгновенно омрачилось глубокой скорбью. — Только ей нехорошо. Совсем нехорошо... С тех самых пор, как всё это случилось. Ступай к ней. Моя бедная девочка... Может, хоть тебе удастся её утешить.

Дверь с жалобным скрипом отворилась.

Пан благодарно кивнул и переступил порог.

Обиталище Сивиллы Трэлони полностью соответствовало её призванию. Повсюду колыхались тяжелые темные драпировки, тускло мерцали металлические блёстки, на полках теснились хрустальные шары, отражая редкие блики света. Кругом царил хаос: на креслах и сундуках бесформенным ворохом лежала странная, похожая на лохмотья одежда — точь-в-точь как у её предков. Не хватало здесь лишь одного — книг. Зато пустых бутылок было в избытке.

Пан слегка поморщился от стойкого сивушного духа. Взглядом он быстро отыскал хозяйку кабинета среди груды раскиданных вещей. Сивилла полулежала на диване, утопая в ворохе цветастых платков. Её каштановая шевелюра — куда более пышная и растрёпанная, чем у Гермiony Грейнджер — разметалась по подушкам. Огромные круглые очки нелепо съехали на кончик аккуратного носа. Она крепко зажмурилась, судорожно сжав губы, словно её даже во сне терзали кошмары. Рука её, безвольно свисавшая с дивана, до сих пор сжимала горлышко полупустой бутылки хереса. Раздался негромкий стук: пальцы Сивиллы разжались, бутылка

покатилась по ковру, и женщина сонно заворочалась.

С её губ сорвался тихий стон. Тяжёлое похмелье давно стало её верным утренним спутником. Сивилла не знала иного способа забыться сном — Зелье сна без сновидений упрямо отказывалось действовать на носителей крови Трэлони.

«Было ли это благословением Мерлина, — с горечью подумала она, — или его изощрённым наказанием?»

Она мотнула головой, силясь прогнать дурманящую дымку. Вдруг до её чувств донеслось мимолётное дуновение — смутно знакомое, но ставшее чужим. Сивилла мгновенно подобралась, натягивая привычную маску чудачки. Перед ней стоял гость: серебристо-зелёная мантия, платиновые волосы и бездонные, как лесное озеро, изумрудные глаза...

— Пойдите! — вскрикнула она.

Спотыкаясь и путаясь в полах длинного халата, Сивилла рванулась к единственному шкафу в углу. По дороге она задела носком туфли укатившуюся бутылку и с треском раздавила пару хрустальных шаров на полу. К счастью, они были пустыми, и комната не заполнилась новой волной перегара.

Дрожащими пальцами она выхватила из шкафчика знакомый флакон. Не глядя на этикетку, сорвала пробку и в несколько глотков осушила его до дна. Ошибиться Сивилла не боялась — у неё хранилось лишь одно лекарство: укрепляющее Отрезвляющее зелье.

Горечь, тухлый запах и целая палитра непередаваемо омерзительных вкусов обожгли рот, заставив её содрогнуться. Но Сивилла лишь поморщилась. Обернувшись к гостю, она уже выглядела совершенно трезвой. Перед Паном вновь стояла прежняя Сивилла Трэлони, профессор прорицаний Хогвартса и — по общему мнению — искусная шарлатанка.

— О, дитя моё, неужели ты заблудился? — запричитала она своим обычным, загробным шёпотом. — Главный зал совсем в другой стороне... Или тебя привели сюда тревоги? Быть может, тебе явилось жуткое знамение во сне?

Сивилла засеменила к круглому столу и схватила уцелевший шар.

— Взгляни, хрусталь приоткроет мне завесу твоих сновидений... Тебе нужно лишь коснуться его ладонью...

— Сивилла... — негромко прервал её Пан, заворожённо глядя на женщину.

— О, мне, конечно, льстит твоё панибратство, мальчик мой, но правила приличия требуют добавлять слово «профессор»... — Сивилла придвинулась почти вплотную. Её огромные линзы

едва не ткнулись Пану в кончик носа. — Знаю, знаю, за глаза вы кличете меня обманщицей, но здесь-то стоит проявить капельку уважения, не так ли? Или ты боишься хрусталя? О, я вижу, вижу! Этот шар треснул... Стоит пустить в него хоть каплю магии, и он разлетится на мелкие кусочки. Вот так!

Она разжала пальцы. Очередная стеклянная сфера с сухим стуком раскололась о каменный пол.

— Пожалуй, нам стоит испить чаю. По чайникам на дне чашки мы без труда прочтём твоё будущее. У меня как раз припрятан ещё один шар...

— Прошное, — оборвал её Пан. — Если хочешь знать... Мне снилось прошное.

Раздался звонкий стук. Тяжёлый фарфоровый чайник выскользнул из рук Сивиллы и задел последний уцелевший шар. Тот медленно покатился по скатерти, сорвался с края стола и со звоном разбился вдребезги.

— О Мерлин, это был мой последний шар... Теперь мы точно ничего не разглядим. Придётся выпрашивать новый у Дамблдора. Или дожидаться Рождества — старик обожает дарить мне безделушки. Жаль только, хрустальные сферы он шлёт исправно, а вот правду — никогда.

Сивилла продолжала бормотать, но её голос неумолимо менялся. Безумная суматоха и напускная таинственность слетели с неё в мгновение ока. Её взгляд, унаследованный от лучших выпускников Рейвенкло, сделался пугающе пронизательным.

— Сивилла... — тихо вздохнул Пан. Он понимал, что задолжал ей объяснение.

— Снова забыл про «профессора»? Что ж, тогда и мне стоит подумать, как к тебе обращаться.

Сивилла прищурилась, её ястребиный взор вонзился в мальчика.

— Пан Трэлони? Или всё-таки Пан Джесас?

— Сивилла, прости меня. Я вовсе не... не хотел скрываться от тебя, — Пан отвёл глаза.

Перед этой женщиной — единственной, чья кровь и родовое имя не позволили магии забвения стереть его из памяти — он испытывал жгучий стыд.

— Но ты ведь и пальцем не пошевелил, чтобы меня разыскать! — Сивилла с горечью посмотрела на мальчика. В её глазах плеснула глухая боль, уступив место привычной апатии.

— Не будь того нерушимого договора, не носи я до сих пор фамилию Трэлони — ты бы никогда не переступил этот порог. Не пришёл бы напомнить, что когда-то мы были друзьями. Ты

предпочёл оставить меня, как оставил Снейпа и всех тех, кто когда-то любил тебя, а теперь послушно забыл по воле твоей клятвы.

Пан смолчал. Ему нечего было возразить. Сивилла была права: не будь она урождённой Трэлони, хранительницей благословенной богами крови, он бы никогда не вернулся сюда после того, как древняя магия вычеркнула его имя из памяти этого мира.

— Раз уж ты решил уйти в тень и заставил всех забыть себя, зачем ворошить прошлое? Ты хоть представляешь, сколько хрустальных сфер Дамблдор расставил по моей башне? Не боишься, что он поймает тебя и снова пригвоздит к стене своей Бузинной палочкой? Поверь мне, ещё один такой удар, и я тоже всё забуду! И тогда нам останется лишь дожидаться дня, когда я обращусь призраком, чтобы воссоединиться с тобой в посмертии.

Вспышка ярости Сивиллы угасала, сменяясь глухим отчаянием.

— Ты всё знаешь? — тихо спросил Пан, и в его глазах отразилась неподдельная печаль.

— Знаю ли я? — Сивилла горько усмехнулась. — О том, что тебе приспичило спасти того безумца, чьё имя бояться произносить вслух? Или о том, как Дамблдор заколол тебя Бузинной палочкой прямо в этих стенах? Хвала Мерлину, теперь я хотя бы в курсе, что директорская трость — это один из Даров Смерти!

Пан продолжал молчать, не находя слов. Видя его покорность и эту тихую, глубокую тоску в некогда безмятежных глазах, Сивилла сдулась. Она никогда не умела долго злиться на него. Просто не могла.

— Пан, мы с тобой оба отмечены Мерлином, — её голос упал до доверительного полушёпота. — Мы платим собственной жизненной силой за право заглядывать за завесу грядущего. Я больше не та глупая, наивная девчонка, которой была когда-то. Мне ведомы условия твоей клятвы, я знаю, почему ты стёр себя из памяти живущих. Я не смею судить твой выбор, Пан. Но у меня есть право на собственный выбор — помнить тебя вопреки всему.

— Меня нет ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем, — Пан поднял голову и прямо посмотрел на собеседницу. — История вычеркнула меня. И память обо мне принесёт тебе лишь страдания.

— Но ты ведь здесь! Ты существуешь! Даже если весь мир лишится памяти, твои следы не стереть. И когда оковы договора падут, когда мы вспомним всё — как нам смотреть тебе в глаза?

— Договор не может пасть, — Пан горько усмехнулся. — Если бы я не вмешался в твою судьбу, Сивилла, ты бы не влачила сейчас это жалкое существование. По крайней мере, ты бы не знала этой боли.

— Ты сам говорил: это история... — Сивилла устало махнула рукой, явно пытаясь уйти от тяжёлого разговора. — Мне суждено было изречь то пророчество. Суждено было погубить Лили. Рок, не иначе... Давай закроем тему, хорошо? Я слишком долго пыталась это забыть, одновременно заставляя себя помнить каждую деталь.

Заметив, как в некогда спокойных зелёных глазах Пана вновь сгущается печаль, она мягко улыбнулась.

— Мои муки — это мой личный выбор. По условиям договора мне достаточно отказаться от фамилии Трэлони, чтобы навсегда позабыть о тебе, но я этого не сделала. Так поведай мне, господин Трэлони... или сегодня мне стоит звать тебя господином Джесасом? Что заставило тебя прийти ко мне?

<http://bllate.org/book/18188/1758213>